

ГИПАЛЛАГА В ЗЕРКАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Н.В. Шутёмова

Аннотация. Рассматриваются способы перевода гипаллагы как разновидности языковых аномалий, характеризующих идиостиль автора и подлежащих передаче при репрезентации сущности оригинала в принимающей культуре. Методологически исследование опирается на положения когнитивных теорий перевода, разработанных с психолингвистических, информационно-семиотических и герменевтических позиций. Гипаллага трактуется в когнитивном аспекте как семантико-синтаксическая перестановка, основанная на переосмыслении признаков сферы предмета. В зависимости от перераспределения статических и процессуальных признаков предмета выделяются три вида деривации гипаллагы. Семантико-синтаксический сдвиг может возникать, во-первых, если признак предмета субъективно переосмысливается как признак его действия; во-вторых, если признак действия трактуется в качестве признака предмета; в-третьих, если свойство одного предмета приписывается другому объекту. Происходящее на глубинном уровне текста субъективное перераспределение статических процессуальных признаков предмета объективируется с помощью естественного языка в позиции, сдвинутой относительно норм семантической и синтаксической сочетаемости слов в высказывании. Это обуславливает характерное для гипаллагы семантико-синтаксическое противоречие: разнонаправленность семантических и синтаксических связей ее компонентов, что вызывает когнитивный диссонанс при восприятии текста. На основе сопоставительного анализа исходных и переводных художественных текстов в зависимости от транслированности семантико-синтаксического противоречия выявлены и описаны три способа перевода гипаллагы: реконструирование, деструктурирование, конструирование, влияющие на полноту передачи специфики художественного мышления автора. Реконструирование предполагает освоение исходного семантико-синтаксического противоречия переводчиком и консонансную репрезентированность гипаллагы в переводном тексте. Деструктурирование сопровождается полной редукцией гипаллагы и созданием нормативной семантико-синтаксической структуры на языке перевода. Конструирование предполагает освоение переводчиком исходного семантико-синтаксического противоречия как характеристики вербального мышления автора, но при ее репрезентации изменяется тип исходной гипаллагы или переводчик создает собственную гипаллагу.

Ключевые слова: перевод; гипаллага; семантическая деривация; алогизм; когнитивный диссонанс; реконструирование; деструктурирование; конструирование

Введение

Являясь важным способом взаимодействия культур, художественный перевод традиционно выполняет благородную гуманитарную

миссию, связанную с репрезентацией ценностей национальных литератур в пространстве мирового искусства. На протяжении длительной истории своего развития он накопил богатый материал, позволяющий исследовать деятельность и статус переводящей личности, постигать сущность переводческого процесса, разрабатывать принципы перевода и его универсальные методики. Разностороннее освещение в теории и практике художественного перевода получили проблемы передачи единства содержания и формы оригинала, его многостильности, иностранного колорита, специфики ритма [1–6].

Под влиянием когнитивистики, обусловившей междисциплинарность и антропоцентризм современного отечественного и зарубежного переводоведения, художественный перевод оказывается вписан в широкий спектр исследований, проводимых с позиций философии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, герменевтики, синергетики, информационно-игровой, диалогической и деятельностной теорий [7–43].

Авторы трактуют перевод как сложную когнитивную деятельность, не ограниченную языковым аспектом, и разрабатывают понятия рефлексии, интерпретации, понимания, переводящей личности, переводческого метода, смысла, когнитивного диссонанса, концепта, гармонии, рефракции, аналогии, информационных и типологических свойств текста. В этом ключе сохраняет свою актуальность исследование функционирования компонентов фатического поля языка [44] и способов их репрезентации при переводе. Данная проблематика наиболее полно раскрывается преимущественно в работах по переводу метафоры, рассматриваемому с позиций когнитивистики, дериватологии, стилистики, фразеологии [45–51]. Например, к стандартным процедурам перевода метафор относят калькирование, замену эквивалентной метафорой, перевод сравнением, описательный перевод, перефразирование [49].

Так, Я.И. Рецкер описывает четыре способа передачи метафоры, а именно: полное сохранение иноязычного образа, его частичное изменение, полная замена и снятие [50]. Н. Мандельблит выявляет два основных способа перевода метафоры: иное или подобное проецирование в зависимости от наличия или отсутствия концептуального сдвига соответственно [51].

Интересный материал для исследования лингвокреативности переводчика, протекающих при переводе когнитивных процессов, эвристичности переводческих решений представляет собой и гипаллага. Являясь одной из языковых аномалий, репрезентирующих дезавтоматизм речемыслительной деятельности человека при порождении текста, она характеризуется низкой частотностью, но составляет яркую черту идиостиля автора, демонстрируя своеобразие его мышления, что обуславливает необходимость ее передачи при переводе. Актуальность исследова-

ния гипаллаги как переводческой трудности восходит к изучению ключевой проблемы перевода, связанной с пониманием целостности оригинала и репрезентацией единства его содержания и формы в принимающей культуре. Предметом рассмотрения в настоящей статье стали способы репрезентации гипаллаги в процессе художественного перевода.

Методология исследования

Основу данного исследования составили объединяемые когнитивной парадигмой общие и специальные теории перевода, разработанные с информационно-семиотических, психолингвистических, философских, герменевтических позиций (Л.М. Алексеева, В.В. Биbihин, Н.Л. Галеева, Т.А. Казакова, А.Г. Минченков, Ю.А. Сорокин, Т.А. Фесенко). Рассмотрение гипаллаги строится с учетом положений теории Л.Н. Мурзина, в которой освещаются закономерности синтаксической, лексической, семантической деривации. При анализе языкового материала мы полагаем необходимым учитывать специфику художественного текста в единстве его типологических свойств, включающих идейность, эмотивность, образность, художественную вербальную форму и составляющих в системе его сущность. В этом мы исходим из принципов теоретической поэтики, разработанных с философских, эстетических, семиотических, литературоведческих и лингвистических позиций, предполагающих рассмотрение художественного текста с учетом его целостности, иерархически организованной уровневой системности, содержательности формы, доминирующей роли эстетической функции языка, что составляет стержень лингвистического, структурального, семиотического анализа художественных текстов, относящихся к разным литературным родам (лирика, эпос, драма), формам организации речи (стихи и проза), жанрам.

С опорой на данные принципы нами был использован комплекс методов, обусловленный сложным характером исследуемого предмета. С одной стороны, мы применяли такие общенаучные методы, как наблюдение, описание, анализ, дедукция, индукция, классификация, синтез, с другой – совокупность методов, выработанных лингвистикой и теоретической поэтикой, основными из которых стали следующие виды анализа: компонентный, контекстуальный, стиховедческий, стилистический, лингвопоэтический, интерпретационный, культурологический. Для изучения способов репрезентации гипаллаги исходного текста на языке перевода данный комплекс был дополнен методом сопоставительного анализа, традиционно используемым в теории, практике, истории и критике перевода. Кроме того, описание стратегий и тактик передачи авторской гипаллаги потребовало применения метода моделирования, осуществляемого на основе деривационного, когнитивнолингвистического, герменевтического, психолингвистического подходов.

Исследование и результаты

В качестве литературного приема гипаллага была известна еще античным писателям. В древнегреческо-русских и греческо-русских словарях она определяется как «замена», что в трактовке Еврипида означало «выбор чего-либо взамен чего-либо» [52. С. 1666], «подмѣна» [53. С. 1271], «перемѣна» [54. С. 754]. В «Словаре лингвистических терминов» под редакцией О.С. Ахмановой гипаллагой называется «фигура речи, состоящая в сочетании прилагательного-определения (эпитета) не с существительным, к которому оно непосредственно относится по смыслу» [55. С. 98].

Одна из наиболее системных концепций, в которых рассматривается гипаллага, была предложена в 1960-е гг. французской «группой μ » (Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкенберг, Ф. Мэнге, Ф. Пир, А. Тринон), разрабатывавшей теорию общей риторики. Если языком представители группы считали «совокупность языковых явлений, то риторикой – множество операций над языком, при этом предметом общей риторики они называли поэзию, являющуюся, с их точки зрения, «литературой, сведенной к квинтэссенции своего активного начала» [56. С. 67] и характеризующейся правильным преобразованием языкового материала. Предложенная в данной концепции классификация риторических приемов включала следующие метаболы: метаплазмы, метасемемы, метатаксис и металогизмы. Гипаллага, по мнению исследователей, может быть отнесена к сфере метатаксиса, объединяющей фигуры, которые изменяют структуру предложения и основаны на перестановке, являющейся реляционной операцией, меняющей порядок синтагм в предложении и морфем в синтагме, что приводит к отклонению от «нулевой степени» [56. С. 79], т.е. нормативности высказывания, и усилению его экспрессивности.

В деривационной теории Л.Н. Мурзина гипаллага рассматривалась как результат смещения, относящегося к одному из трех типов взаимосвязанных процессов семантической деривации (наряду с метафоризацией и метонимизацией), являющихся составной частью процесса текstopорождения [57, 58]. Метафоризация использует оператор сравнения, основывается на контаминации двух предложений, предполагает «совмещение синтаксически тождественных компонентов», «устранение лишних компонентов» [58. С. 47], включает в себя компрессию и конверсию. Метонимизация состоит из «компрессии независимого компонента» [58] и смещения, предназначенного для переоформления сохранившегося зависимого компонента. Суть смещения, сопоставимого, по мнению Л.Н. Мурзина, с конверсией, заключается в «синтаксическом переоформлении семантических компонентов предложения» [58]. В отличие от конверсии, оно имеет не формальный, а

семантический оператор – «противоречие между формой и содержанием семантического компонента» [58]. При этом правила перемещения в целом не ограничены и любой семантический компонент может быть оформлен любым членом предложения, в чем также исследователь видел проявление свободы языка [59], его творческое начало. Если собственно синтаксическая конверсия затрагивает область актантов, то смещение происходит в сфере признаков и делится на два типа: гомогенный и гетерогенный. Гипаллага, согласно данной классификации, относится к гомогенному типу, характеризующемуся репрезентацией признака посредством соответствующих членов предложения (определения или обстоятельства). В отличие от гомогенного типа, гетерогенный сопровождается оформлением признака как актанта и наоборот. В целом, по мнению Л.Н. Мурзина, суть семантической деривации заключается в прагматически мотивированном преобразовании заданного денотативного содержания высказывания, приводящем к изменению языковой формы и семантическому приращению.

На наш взгляд, такая специфика семантики вторичного выражения, определяемая постсемантической интерпретацией заданного денотата и, следовательно, обнаружением ранее не актуализированных его отношений и связей в едином мире, позволяет говорить в наиболее общем плане о ее обусловленности спецификой субъективного мировосприятия, которое, являясь восприятием объективного мира, совмещает субъективное и объективное. Субъективное переосмысление и фокусирование определенных отношений объектов внутри ситуации обуславливают перераспределение связей и функций семантических компонентов в выражающем ее предложении. Вследствие этого определенные семантические компоненты могут попадать в ненормативную для них синтаксическую позицию, что и вызывает противоречие между их формой и содержанием.

В целом гипаллага рассматривалась Л.Н. Мурзиным как компонент фатического поля языка, т.е. его периферии, единицы которой сложны, подвижны, их число потенциально бесконечно. Именно с ней традиционно в лингвистике связывается представление о креативности языка, что Н. Хомский, развивая идеи В. фон Гумбольдта [60], охарактеризовал как способность языка «предоставлять средства для выражения неограниченного числа мыслей и для реагирования соответствующим образом на неограниченное количество новых ситуаций» [61. С. 11], а Н.И. Жинкин – как возможность «посредством ограниченного числа языковых средств» высказывать «бесконечное множество мыслимых содержаний» [62. С. 27].

Плодотворное исследование семантической структуры гипаллагы в контексте типологического анализа семантической организации стихотворных строк было предпринято Ж.А. Дозорец с целью описания

поэтического идиолекта [63]. Гипаллагой в данной концепции называется один из вариантов трехкомпонентной конструкции, включающей опорное существительное, зависимое существительное в форме родительного падежа, а также прилагательное при каком-либо из них. Семантика данной структуры анализируется в трех аспектах. Во-первых, рассматривается соотношение структурных и семантических зависимостей слов в стихотворной строке; во-вторых, анализируется общность их семантики; в-третьих, изучается зависимость ее семантической организации от оценочной коннотации языковых единиц. С этой точки зрения в гипаллаге направление семантических отношений не коррелирует с направлением структурных связей, она характеризуется слабой выраженностью семантических принципов сочетания слов, при этом оценочная семантика способна создавать дополнительные семантические отношения, например градации, антиномии, причины, следствия и т.д.

Как синтаксический прием выразительности гипаллага исследовалась с текстологических позиций Е.Л. Гинзбургом, считавшим ее семантико-синтаксической перестановкой, которая наряду с гипербатом нарушает семантико-синтаксическую нормативность высказывания, дезавтоматизирует его восприятие, усиливает его экспрессивный потенциал. Предложенная исследователем классификация гипаллаг включала два основных типа смещения определения. Если в первом типе происходит сдвиг определения с зависимого существительного на управляющее в структуре $\Pi + \text{Си1} + \text{Ср2}$ (прилагательное в форме именительного падежа + главное существительное в форме именительного падежа + зависимое существительное в форме родительного падежа, например «яркие приветствия зари»), то во втором – определение сдвигается с управляющего существительного на зависимое в структуре $\text{Си1} + \text{Пр} + \text{Ср2}$ (главное существительное в форме именительного падежа + прилагательное в форме родительного падежа + зависимое существительное в форме родительного падежа, например «вихрь сверлящей синевы») [64].

С позиций логического анализа языка гипаллага трактуется как языковая аномалия [65–69] и, в частности, такая ее разновидность, как алогизм. При этом аномалия понимается в традиционном широком смысле как отклонение от нормы, а алогизм – как нарушение в высказывании законов логики, например тождества, исключенного третьего, непротиворечия, достаточного основания или правил определения понятий [69. С. 13–14]. По мнению С.А. Садовникова, если аномалии включают нарушения, связанные со всеми уровнями языка, то алогизм предполагает нарушение речемыслительных структур, может быть намеренным и непреднамеренным. Фигуры нарочитого алогизма можно, по мнению исследователя, классифицировать в зависимости от двух логических структур: понятия и суждения. Фигуры с понятийной ало-

гичностью включают «подмену понятий, сравнение, метафору, оксюморон, плеоназм, тавтологию и катахрезу» [69. С. 6]. Алогизмы суждений включают группы, основанные на несогласованности, двусмысленности, противоречии. Гипаллага в данной классификации относится к первой группе алогизмов суждений наряду с «фрактадой и перкурсией, анаколумом и анантоподотоном, зевгмой и силлепсисом» [69] и понимается как «нарушение логической связи между понятиями в предложении» [69. С. 18]. При этом вторую группу составляют амфиболия и антифразис, третью – аподозис, апофазия, гистеропротерон, паралепсис. Данные аномалии рассматриваются Ю.А. Сорокиным в дискомфортной стилистике как деструктемы, которые, в отличие от конструктем, являются минимальным стилистически дискомфортным сегментом текста, вызывающим информационный сбой [21. С. 340].

В целом аномальность текста, как отмечает Н.Д. Арутюнова, проявляется в логической противоречивости, одновременном утверждении и отрицании, ослаблении семантических связей между словами в высказывании, дискоординации семантических и синтаксических отношений в нем, несоответствии цели высказывания его смыслу, одновременной ориентации на разные точки зрения и системы отсчета [70. С. 3]. По мнению Н.Д. Арутюновой, при восприятии и интерпретации текста, содержащего семантическое противоречие, читатель осуществляет семантическую редукцию, нивелируя противоречия и создавая нормативную с семантической точки зрения структуру. «Сведение аномального смысла к нормальному» [70. С. 4] является возможным благодаря наличию у реципиента семантической компетенции, способности понимать и интерпретировать высказывание.

На основе анализа деривации и функционирования гипаллагы в художественном тексте мы полагаем возможным трактовать ее как ментальную операцию, содержанием которой является перераспределение статистических и процессуальных признаков предмета, вербально реализуемое в семантико-синтаксической перестановке («закатный отблеск скользит оранжево», «по синему зною небес», «я слушаю восторженную тишь») [71]. Когнитивную основу гипаллагы составляет процесс художественного познания, предметом которого является ценностный аспект отношения «человек – мир» [72], приводящий к формированию субъективно-объективной истины, художественной концепции, художественного замысла, реализующегося в системе образов и объективируемого посредством естественного языка.

В целом художественное познание, лежащее в основе порождения гипаллагы, отвечает представлению когнитивной психологии о познании как о комплексном процессе, включающем микрогенезы восприятия, значения и распределения стратегий внимания. Микрогенез восприятия протекает от отражения, глобально адекватного, к отраже-

нию, адекватному в деталях. При этом актуальным в отношении гипаллагы является такая особенность восприятия, как осмысленность: оно протекает не по шаблонам, а благодаря стратегиям точного выделения релевантных характеристик, что обуславливает возможность субъективного переосмысления объективной реальности и формирования ее субъективной картины [73, 74].

Переосмысление статических и процессуальных признаков предмета, которое происходит на глубинном уровне текста при порождении гипаллагы, получает соответствующую объективацию на поверхностном уровне текста. На основе анализа поэтического материала можно выделить три основных способа деривации гипаллагы.

Во-первых, признак предмета может переосмысляться как признак действия, что оформляется не прилагательным, а наречием в функции обстоятельства, например:

– *«Тускло мне открылись С башни два огня»* (А. Белый) [75. С. 196];

– *«И между гор росисто вьется Долина светлой полосой»* (Ф. Тютчев) [76. С. 8].

Во-вторых, признак действия переосмысляется как признак предмета, что объективируется не наречием, а прилагательным в функции определения:

– *«Я слушаю моих пенатов Всегда восторженную тишь»* (О. Мандельштам) [77. С. 68].

В-третьих, признак одного объекта переосмысляется как признак иного объекта, что выражается прилагательным в функции определения:

– *«Мне и доньне хочется грызть Жаркой рябины Горькую кисть»* (М. Цветаева) [78. С. 34].

В целом субъективность восприятия и дезавтоматизм художественного мышления связаны при порождении гипаллагы с актуализацией признака предмета и проявляются в семантико-синтаксическом противоречии и сдвиге, что обуславливает трудности перевода гипаллагы. С одной стороны, они сопряжены с освоением идейности, эмотивности, образности и специфики художественной языковой формы оригинала, а следовательно, с необходимостью концептуализации, что является одним из основных тезисов, который получает обоснование в современном переводоведении. С другой стороны, трудность составляет репрезентация результата понимания на ПЯ в условиях гетерогенности языков, литератур, культур, сознания автора и переводчика. На основе сопоставительного анализа художественных текстов и их переводов полагаем, что можно выделить три основных способа репрезентации гипаллагы при переводе: реконструирование, деструктурирование и конструирование.

1. Реконструкция означает, что гипаллага, как характеристика художественного мышления автора, освоена переводчиком и репрезен-

тирована в аналогично ИТ. В данном случае переводчиком преодолевается когнитивный диссонанс, воссоздается исходное семантико-синтаксическое противоречие, передается целостность гипаллаги в единстве ее формы и содержания, сохраняется ее тип. По степени репрезентированности исходной гипаллаги в ПТ реконструкцию можно отнести к типу полной репрезентации, консонансной относительно оригинала.

Например, в строфе XX романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в описании танца Истоминой используется словосочетание «и быстрой ножкой ножку бьет», которое основывается на противоречии семантики эпитета «быстрой» и грамматического определяемого «ножкой»:

Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет [79. С. 23].

Семантически эпитет связан с глаголом, но синтаксически – с конкретным существительным, что актуализирует семантику эпитета и выражаемые им смыслы, подчеркивая мастерство балерины, грациозность танца.

В переводе Дж. Фейлена гипаллага репрезентируется в полной мере («to beat rapid feet») и получает развитие посредством дополнительной, созданной переводчиком гипаллаги («dancing»):

Istomina takes up her stand.
One foot upon the ground she places,
And then the other slowly twirls,
And now she leaps! And now she whirls!
Like down from Eol's lips she races;
Then spins and twists and stops to beat
Her rapid, dazzling, dancing feet [80. P. 10].

Прилагательное «rapid», обозначающее скорость производимого действия, синтаксически связано конкретным существительным «feet» («ножки»), а не с глаголом «beat» («бить»), с которым связано семантически, вследствие чего в ПТ воссоздается семантико-синтаксическое противоречие, актуализирующее смыслы виртуозности, мастерства исполнения танца аналогичным для ИТ способом.

Подобное переводческое решение находит и Ч. Джонстон, который также в полной мере репрезентирует целостность данной гипаллаги («beat swift feet»):

Istómina, thronged all around
by Naiads, one foot on the ground,
twirls the other slowly as she pleases,
then suddenly she's off, and there
she's up and flying through the air

like fluff before Aeolian breezes;
 she'll spin this way and that, and *beat*
against each other swift, small feet [81. P. 43].

В данном переводе прилагательное «swift», характеризующее скорость движения и семантически связанное с глаголом «beat», согласуется с конкретным существительным «feet», таким образом реконструируется характерное для исходной гипаллагы семантико-синтаксическое противоречие, лаконично и емко актуализирующее образ действия.

Реконструируется деструктема и Владимиром Набоковым, в переводе которого прослеживается аналогичное переводческое решение («beats swift foot»):

Istómina stands: she,
 while touching with one foot the floor,
 gyrates the other slowly,
 and lo! a leap, and lo! she flies,
 she flies like fluff from Eol's lips,
 now twines and now untwines her waist
 and *beats one swift small foot against the other* [82].

В данном ПТ в полной мере репрезентируется семантико-синтаксическое противоречие, характеризующее исходную гипаллагу в формальном и содержательном аспектах, что позволяет передать ее функции, выполняемые в ИТ. На этом основании можно сделать вывод, что когнитивный диссонанс, вызываемый нарушением нормы, асимметрией сознаний автора и переводчика, ИЯ и ПЯ, стихотворных традиций и культур, преодолен переводчиком, а сам перевод является консонансным.

В строфе XXXI романа «Евгений Онегин» гипаллагой является и сложное субстантивное словосочетание «ковров роскошное прикосновение», характеризующееся семантико-синтаксическим противоречием в следующем контексте:

Взлелеяны в восточной неге,
 На северном, печальном снеге
 Вы не оставили следов:
 Любили мягких вы ковров
 Роскошное прикосновенье [79. С. 29].

Семантика прилагательного «роскошный» определяет необходимость его согласования прежде всего с существительными, обозначающими предмет: собирательными, вещественными или конкретными. Однако в данном примере оно грамматически определяет отглагольное существительное, называющее действие «прикосновенье». В силу этого возникает противоречие между значениями смещенного определения и грамматического определяемого. Ослабление семного согласования очевидно при сохранении конкретного существительного «ковров», с

которым прилагательное «роскошный» согласуется семно. Таким образом, семантически прилагательное «роскошное» относится к существительному «ковров», но грамматически связано с отглагольным существительным «прикосновение», вследствие чего и возникает противоречие между значением смещенного определения и грамматического определяемого. В силу этого актуализируется семантика эпитета, репрезентирующего переосмысление признака предмета как признака действия и дезавтоматизирующего восприятие текста.

Исходная гипаллага консонансно репрезентируется, например, Владимиром Набоковым:

Brought up in Oriental mollitude,
on the Northern sad snow
you left no prints:
*you liked the sumptuous contact
of yielding rugs* [82].

Прилагательное «sumptuous», имеющее значение «роскошный, дорогостоящий, пышный, великолепный» [83. Т. II. Р. 584] («magnificent, costly-looking») [84. Т. II. Р. 362], согласуется в данном контексте не с конкретным существительным «rugs», с которым связано семантически, а с существительным, обозначающим действие, вследствие чего реконструируется аналогичное оригиналу семантико-синтаксическое противоречие, основанное на дискоординации семантических и грамматических связей данного эпитета и способствующее емкой и лаконичной актуализации его семантики.

Подобное переводческое решение предложено в переводе, выполненном Ч. Джонстоном:

Nursed in the orient's languid weakness,
across our snows of northern bleakness
you left no steps that could be tracked:
*you loved the opulent contact
of rugs, and carpets' rich refinement* [81. Р. 49].

Прилагательное «opulent», означающее «богатый, состоятельный, обильный, изобильный» [83. Т. II. Р. 73] – «rich, wealthy, luxuriant» [84. Т. II. Р. 362], также семантически связано в данном контексте с конкретным существительным «rugs», но согласуется с обозначающим действие существительным «contact», благодаря чему реконструируется исходное семантико-синтаксическое противоречие, актуализирующее в ИТ семантику эпитета и являющееся средством создания художественной образности.

Рассмотренные примеры показывают, что реконструирование гипаллагы при переводе способствует консонансной репрезентации в ПТ идейности и эмотивности оригинала, его образности и языковой формы. В целом оно позволяет передать в иностранной культуре специфику художественного мышления автора и его идиостиля.

2. **Деструкция** предполагает полную редукцию гипаллагы, когда переводчик не усмотрел ее на предпереводческом этапе или освоил ее механизм, но не смог его репрезентировать посредством ПЯ, не преодолев когнитивный диссонанс. При этом признак, актуализируемый в оригинале посредством гипаллагы, может быть репрезентирован в ПТ отличным от нее способом. В данном случае семантико-синтаксическое противоречие исходной гипаллагы не воссоздается, ее целостность утрачивается, гипаллага заменяется конструкциями, не нарушающими семантические и синтаксические правила комбинаторики слов в высказывании. Деструктема деструктурируется, алогизм и языковая аномалия приводятся в соответствие с нормами логики, языка, речи, что можно считать утратой гипаллагы, а ее перевод диссонансным относительно оригинала.

Например, семантико-синтаксическими противоречиями характеризуются стихи из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»:

Тамара часто у окна
Сидит в раздумье одиноком
И смотрит вдаль прилежным оком [85. С. 326].

Во-первых, эпитет «одинокый» грамматически связан с существительным «раздумье», а семантически – с глаголом «сидит»; во-вторых, эпитет «прилежный» грамматически относится к существительному «око», а семантически – к глаголу «смотрит». Обе гипаллагы актуализируют семантику смещенных компонентов и являются средством объективации образности и эмотивности оригинала, но, к сожалению, утрачиваются у Юджина Кейдена, чей переводческий метод, однако, традиционно характеризуется уважением к целостности оригинала:

In anguish and in trepidation,
Tamara sat oft alone before
Her window in pensive contemplation,
And gazed. As though upon a shore
Afar in azure... [86. P. 327].

Первая гипаллага замещается нормативным словосочетанием, основанным на семном согласовании компонентов «sat alone». Семантический компонент второй репрезентирован глаголом «gazed», что в целом не репрезентирует специфику художественной языковой формы строфы в полной мере.

Гипаллага является одной из отличительных характеристик идиостиля И.А. Бунина. Так, рассказ «Солнечный удар» заканчивается пейзажной зарисовкой, в которой гипаллага является средством актуализации состояния природы и главного героя, объективации образности и эмотивности оригинала: «Темная летняя заря потухала далеко впереди, сумрачно, сонно и разноцветно отражаясь в реке, еще кое-где светившейся дрожащей рябью вдали под ней, под этой зарей, и плыли и плыли назад огни, рассеянные в темноте огни» [87. С. 13].

Эпитеты «сумрачно, сонно и разноцветно», выраженные наречиями, являются в то же время компонентами гипаллагы, основанной на переосмыслении свойств солнечных лучей как свойств их действия – отражения в реке. При переводе гипаллага нейтрализуется и репрезентируется эпитетами «gloomy» («мрачный, темный») [83. Т. I. P. 685], «drowsy» («сонный») [83. Т. I. P. 484], «varicoloured» («многоцветный») [83. Т. II. P. 764]: «The dark glow of the summer sunset died away far ahead, casting *its gloomy, drowsy and varicoloured reflection* upon the water that still quivered and glimmered here and there...» [88. С. 363].

Данные эпитеты нормативно согласуются с существительным «reflection» («отражение»), что приводит к утрате гипаллагы и не позволяет репрезентировать экспрессивный потенциал исходного высказывания в ПТ в полной мере.

3. **Конструирование** происходит, когда переводчик усматривает идиостилевую специфику оригинала, воссоздает семантико-синтаксическое противоречие как характеристику вербального мышления автора, но репрезентирует ее путем изменения типа исходной гипаллагы или создания собственной гипаллагы. В первом случае создается иное семантико-синтаксическое противоречие, но актуализируется тот же признак. Во втором – актуализируется иной признак, что можно рассматривать как частичную редукцию исходной гипаллагы, ее консонансно-диссонансную репрезентацию в ПТ.

Так, в рассказе И.А. Бунина «Ворон» посредством гипаллагы актуализируется описание пустых, холодных комнат казенной квартиры: «...и холодно, пусто блистала своими огромными, зеркально-чистыми комнатами наша просторная казенная квартира во втором этаже одного из казенных домов» [89. С. 408]. Данная гипаллага основана на переосмыслении свойств предмета как свойств его действия, что объективируется посредством наречий, а не прилагательных. В переводе данная гипаллага утрачивается: «...and the huge, highly polished rooms of our apartment gleamed with cold, unlivd-in splendour. The apartment was on the first floor of one of the buildings belonging to the Department where my father was employed» [90. P. 474]. Эпитеты «cold, unlivd-in» («холодные, нежилые») семантически связаны с существительным «rooms», характеризуя общую атмосферу казенной квартиры и передавая эмоции персонажа. Однако грамматически они согласуются с абстрактным существительным «splendour» («блеск»), подчеркивающим чистоту комнат. Таким образом, переводчик репрезентирует сам принцип гипаллагы как особенности вербального мышления автора, создавая свою гипаллагу иного типа.

Заключение

В целом полагаем, что изучение деривации, восприятия и перевода гипаллагы дает возможность познания когнитивных процессов, про-

текающих в художественной деятельности человека. Перевод гипаллагы предполагает освоение и передачу своеобразия художественного мышления автора.

Анализ способов репрезентации гипаллагы при переводе позволяет сделать вывод, что гипаллага составляет переводческую трудность, связанную с преодолением когнитивного диссонанса на этапе освоения идейности, эмотивности, образности и художественной формы ИТ, а также на этапе их репрезентации на ПЯ. Репрезентация гипаллагы предполагает необходимость декодирования механизма ее дериивации посредством анализа соотношения семантических и синтаксических связей между компонентами высказывания, выявления семантико-синтаксического противоречия и освоения авторского субъективного переосмысления статических и процессуальных признаков предмета. Реконструирование и конструирование гипаллагы при переводе способствуют ее консонансной и консонансно-диссонансной репрезентации в ПТ, что приводит к более полной передаче сущности оригинала в принимающей культуре в единстве его идейности, эмотивности, образности и художественной языковой формы.

Литература

1. *Галь Н.* Слово живое и мертвое: от «Маленького принца» до «Корабля дураков». М. : Междунар. отношения, 2001. 368 с.
2. *Гумилёв Н.С.* Переводы стихотворные // Сочинения : в 3 т. Т. 3: Письма о русской поэзии. М. : Худ. лит., 1991. С. 28–33.
3. *Лозинский М.Л.* Искусство стихотворного перевода // Перевод – средство взаимного сближения народов. М. : Прогресс, 1987. С. 91–106.
4. *Попович А.* Проблемы художественного перевода. М. : Высш. шк., 1980. 199 с.
5. *Фёдоров А.В.* Искусство перевода и жизнь литературы. Л. : Сов. писатель, 1983. 194 с.
6. *Чуковский К.И.* Высокое искусство. М. : Сов. писатель, 1988. 350 с.
7. *Автономова Н.С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. М. : Российская политическая энциклопедия, 2008. 704 с.
8. *Алексеева Л.М.* Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). С. 45–51.
9. *Алексеева Л.М., Шутёмова Н.В.* Типология перевода. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2012. 198 с.
10. *Бибихин В.В.* Слово и событие. М. : Едиториал УРСС, 2001. 280 с.
11. *Воскобойник Г.Д.* Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 44 с.
12. *Галеева Н.Л.* Параметры типологии художественных текстов в деятельностной теории перевода : дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 1999. 352 с.
13. *Казакова Т.А.* Художественный перевод: в поисках истины. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. 224 с.
14. *Карпущина В.Н.* Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры : дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2013. 443 с.
15. *Кузьмина Н.А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. 228 с.

16. **Куницына Е.Ю.** Лингвистические основы людической теории художественного перевода : дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2010. 474 с.
17. **Кушнина Л.В.** Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. 196 с.
18. **Минченков А.Г.** Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. 43 с.
19. **Нестерова Н.М.** Вторичность как онтологическое свойство перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2005. 42 с.
20. **Новикова М.Г.** Смысловые корреляции в дискурсивной динамике перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 44 с.
21. **Сорокин Ю.А.** Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М. : Гнозис, 2003. 160 с.
22. **Фесенко Т.А.** Перевод в зеркале когнитивной науки // С любовью к языку : сб. науч. тр., посв. Е.С. Кубряковой. Москва ; Воронеж : ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 65–71.
23. **Шутёмова Н.В.** Рефракционная теория художественного перевода. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2019. 200 с.
24. **Chirilă A.** Preserving the Allusions in Translating the Bible // *Meaning in Translation: Illusion of Precision*. Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 369–384.
25. **Cristinoi A.** Translation between Typologically Different Languages or the Utopia of Equivalence: 1 vs 1.round, 1.long or 1.nasty being // *Meaning in Translation: Illusion of Precision*. Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 99–110.
26. **Data-Bukowska E.** Translating What is Blurred: Evidence from Swedish-to-Polish Translations // *Meaning in Translation: illusion of Precision*. 2016. P. 435–452.
27. **Davis A.** Collaborator: Ezra Pound, Translation, and Appropriation // *Modernist Cultures*. Vol. 14, is. 1. Edinburgh University Press, 2019. P. 17–35.
28. **France P.** Translation Studies and Translation Criticism // *The Oxford Guide to Literature in English Translation* / ed. by Peter France. Oxford University Press, 2000. P. 3–10.
29. **Filanti R.** «The Murder and the Echo»: How Meaning Reverberates in Translation // *Meaning in Translation: Illusion of Precision*. Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 321–335.
30. **Gutt E.-A.** Translation and Relevance. Manchester ; Boston : St. Jerome, 2000. 271 p.
31. **Hatim B., Mason I.** The Translator as Communicator. London : Routledge, 1997. 244 p.
32. **Hvelplund K.T.** Digital Resources in the Translation Process – Attention, Cognitive Effort and Processing Flow // *Perspective Studies in Translatology*. Vol. 27, is. 4. Taylor & Francis, 2019. P. 510–524.
33. **Lederer M.** The Role of Cognitive Complements in Interpreting // *Interpreting – Yesterday, Today, and Tomorrow*, ATA Scholarly Monograph Series. Vol. IV. SUNY, 1990. P. 53–60.
34. **Lefevere A.** Mother Courage's Cucumbers: Text, System and Refraction in a Theory of Literature // *The Translation Studies Reader*. Routledge: London ; New York, 2000. P. 233–249.
35. **Malmkjar K.** Linguistics and the Language of Translation. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2005. 208 p.
36. **Mossop B.** «Intersemiotic Translating» Time for a Rethink? // *Translation and Interpreting Studies*. Vol. 14, is. 1. John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 75–94.
37. **Prencipe V.** Translation Universals: Assets and Limits of Research Methodology // *Translation Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference*, 2014. Pt 2. New York : Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2017. P. 35–44.
38. **Pugliese C.** Translation as Cultural Transfer: Challenges and Constraints. Roma : Aracne, 2005. 158 p.
39. **Seleskovitch D., Lederer M.** Interpréter pour traduire. Paris : Didier Erudition, 1984. 311 p.

40. **Steele S.** The Translating Mind: Translation as a Game. QuiEdit di S.D.S. snc Verona, Italy, 2005. 143 p.
41. **Steiner G.** After Babel. Aspects of language and translation. Oxford University Press, 1988. 539 p.
42. **Venuti L.** Retranslations: The Creation of Value // Translation and Culture / ed. by K.M. Faull. Bucknell University Press, 2004. P. 25–38.
43. **Walter K.** Zur Versprachlichung und Übersetzung des Nationsbegriffs bei Joyce und Yeats // Translation Studies and Translation Practice : Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference, 2014. Pt 2. New York : Frankfurt am Main: Peter Lang Edition, 2017. P. 187–195.
44. **Мурзин Л.Н.** Полевая структура языка: фатическое поле (текст лекции) // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина) : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л.М. Алексеевой. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. С. 9–14.
45. **Lakoff G., Johnson M.** Metaphors We Live By. University of Chicago Press, 1980. 240 p.
46. **Steen G.J.** Translating metaphor: What's the problem? Translating figurative language / ed. by D.R. Miller, E. Monti. Bologna : Alma Mater Digital Library, 2014. P. 11–24.
47. **Разумовская В.А., Гришаева Е.Б.** Метафоричность художественного образа: культурная память и перевод // Язык и культура. 2019. № 46. С. 6–23.
48. **Симаишко Т.В., Литвинова М.Н.** Как образуется метафора: деривационный аспект. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1993. 216 с.
49. **Newmark P.** Approaches to Translation. Oxford University Press, 1981. 352 p.
50. **Рецкер Я.И.** Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории. М. : Р. Валент, 2004. 240 с.
51. **Mandelblat N.** The Cognitive View of Metaphor and Its Implication for Translation Theory // Translation and Meaning / ed. by Thelen Marcel, Barbara Lewandowska-Tomaszczyk. Maastricht University Press, 1995. Vol. 3. P. 483–495.
52. **Дворецкий И.Х.** Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. М. : ГИС, 1958. 1904 с.
53. **Вейсман А.Д.** Греческо-русский словарь (репринт V-го издания 1899 г.). М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. 1370 с.
54. **Коссович И.А.** Греческо-русский словарь, изданный иждивением департамента народного просвещения въ Университетской Типографіи. М. : Унив. тип., 1848. Ч. II. 904 с.
55. **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.
56. **Общая риторика** / пер. с фр. Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тритон и др. ; общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева. М. : Прогресс, 1986. 392 с.
57. **Мурзин Л.Н.** Синтаксическая деривация. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1974. 168 с.
58. **Мурзин Л.Н.** Основы дериватологии : конспект лекций. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1984. 56 с.
59. **Мурзин Л.Н.** О степенях свободы языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Памяти Э.В. Кузнецовой. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1997. С. 127–133.
60. **Гумбольдт В.** Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. 452 с.
61. **Хомский Н.** Аспекты теории синтаксиса. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 259 с.
62. **Жинкин Н.И.** О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
63. **Дозорец Ж.А.** Семантическая организация стихотворной строки // Филологические науки. 1988. № 5. С. 74–78.
64. **Гинзбург Е.Л.** Из заметок о синтаксических приемах выразительности. Гипаллага // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование / под ред. Л.Н. Мурзина. М. : Ин-т языкознания, 1989. С. 75–80.
65. **Апресян Ю.Д.** Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986) / под ред. Д.С. Лихачёва. М. ; Л. : Наука, 1990. С. 50–71.

66. **Арутюнова Н.Д.** Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
67. **Радбиль Т.Б.** Языковые аномалии в художественном тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 40 с.
68. **Третьякова Е.А.** Аномалии в оригинальном и переводном художественном тексте // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 9. Вып. 3. С. 172–176.
69. **Садовников С.А.** Алогизм речи как художественный прием в творчестве А.П. Платонова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2014. 25 с.
70. **Логический** анализ языка. Противоречивость и аномальность текста : сб. ст. / под ред. Н.Д. Арутюновой. М. : Наука, 1990. 278 с.
71. **Манчинова Н.В.** Деривация и функционирование гипаллаги в поэтическом тексте : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1998. 148 с.
72. **Каган М.С.** Эстетика как философская наука. СПб. : Петрополис, 1997. 544 с.
73. **Величковский Б.М.** Современная когнитивная психология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 336 с.
74. **Найссер У.** Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М. : Прогресс, 1981. 230 с.
75. **Белый А.** Перед старой картиной // Белый А. Сочинения : в 2 т. М. : Худ. лит., 1990. Т. 1. С. 195–198.
76. **Тютчев Ф.И.** Утро в горах // Русская поэзия XIX века : в 2 т. М. : Худ. лит., 1974. Т. 2. С. 8.
77. **Мандельштам О.Э.** «Есть целомудренные чары...» // Мандельштам О. Сочинения : в 2 т. М. : Худ. лит., 1990. Т. 1. С. 68.
78. **Цветаева М.И.** «Красной кистью...» // Цветаева М.И. Избранные произведения. Минск : Наука и техника, 1984. С. 34.
79. **Пушкин А.С.** Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Худ. лит., 1969. Т. 5. 320 с.
80. **Pushkin A.** Eugene Onegin. A Novel in Verse. Translated with an Introduction and Notes by James E. Falen. UK, Oxford : Oxford World's Classics, 1995. 288 p.
81. **Pushkin A.** Eugene Onegin. Translated by Charles H. Johnston. UK, Bucks : Hazell Watson & Viney Ltd Aylesbury, 1979. P. 234.
82. **Eugene Onegin.** A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin. Translated by Vladimir Nabokov. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/eugene-onegin/onegin-1.htm> (дата обращения: 20.09.2020).
83. **Большой** англо-русский словарь : в 2 т. / Ю.Д. Апресян, И.Р. Гальперин и др. М. : Рус. яз., 1987. Т. I. 1038 с.; Т. II. 1072 с.
84. **Hornby A.S.** Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Moscow : Moscow Language Publishers ; Oxford : Oxford University Press, 1982. Vol. I. 510 p.; Vol. II. 527 p.
85. **Лермонтов М.Ю.** Демон // Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени. М. : Худ. лит., 1972. С. 395–427.
86. **Lermontov M.Yu.** Demon. An Eastern Tale. Translated by Eu. M. Kayden // Лермонтов М.Ю. «Нет, я не Байрон, я другой...» – «No, I'm not Byron, it's my Role...»: Избранная поэзия = Poetical Works [на русском языке с параллельным переводом на английский язык]. М. : Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009. 400 с.
87. **Бунин И.А.** Солнечный удар // Бунин И.А. Солнечный удар: рассказы, дневники, новеллы. М. : Комсомольская правда: Директ-Медиа, 2014. С. 5–13.
88. **Bunin I.** Sunstroke. Translated by O. Shartse // Bunin I. Stories and Poems. M. : Progress Publishers, 1979. P. 356–363.
89. **Бунин И.А.** Ворон // Бунин И.А. Солнечный удар: рассказы, дневники, новеллы. М. : Комсомольская правда: Директ-Медиа, 2014. С. 408–415.
90. **Bunin I.** The Raven. Translated by O. Shartse // Bunin I. Stories and Poems. M. : Progress Publishers, 1979. P. 473–479.

Сведения об авторе:

Шутёмова Наталья Валерьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия). E-mail: lingconf14@mail.ru

Поступила в редакцию 5 октября 2021 г.

Hypallage in the mirror of literary translation

Shutemova N.V., D.Sc. (Philology), Associate Professor, Professor of Department of Linguistics and Translation, Department of Linguodidactics, Perm State University (Perm, Russia). E-mail: lingconf14@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/56/7

Abstract. The article considers ways of translating a hypallage being a variety of linguistic anomalies that characterizes an author's individual style and is subject to representation in a target text and culture. The hypallage is interpreted in a cognitive perspective as a mental procedure of rethinking static and dynamic properties of an object that results in a semantic and syntactic shift. The latter leads to a contradiction between semantic and syntactic relations in an utterance and has three main variants of derivation. Firstly, a property of an object is rethought as a property of its action and is verbalized abnormally by means not of an adjective, but an adverb. Secondly, a property of an action is thought to be a property of an object and is expressed non-standardly by means of an adjective rather than an adverb. Thirdly, a property of one object is thought to be an object of another one and is objectified with an adjective combined with a wrong noun. The ability to rearrange properties of an object is explained through microgenesis of perception, principles of distributing strategies of attention and ability to generate a subjective picture of the world. The contradiction of semantic and syntactic relations in the hypallage determines the cognitive dissonance in translation. On the basis of the comparative analysis of Russian literary texts and their English translations three ways of translating hypallages have been revealed and described. This classification includes reconstruction, destruction and construction and is grounded on a key criterion: how the source contradiction between semantic and syntactic relations is transferred into the target text. These translator's solutions determine the extent to which the author's artistic thinking is represented in the target culture. Reconstruction means that the hypallage is understood by the translator and is represented in a similar way. The translator overcomes the cognitive dissonance, recreates the source semantic-syntactic contradiction, conveys the integrity of the hypallage in the unity of its form and content and preserves its type. Reconstruction means a complete representation of the source hypallage. Destruction involves a complete reduction of the hypallage, when the translator did not comprehend it at a pre-translation stage or mastered its mechanism, but could not represent it in the target language and overcome the cognitive dissonance. Construction occurs when the translator recreates the semantic-syntactic contradiction as a characteristic of the author's verbal thought, but represents it by changing the type of the source hypallage or by creating his/her own hypallage.

Key words: translation; hypallage; semantic derivation; alogism; cognitive dissonance; reconstruction; destruction; construction

References

1. Gal' N. (2001) Slovo zhivoye i mertvoye: ot "Malen'kogo printsa" do "Korablya durakov" [Word alive and dead: from The Little Prince to Ship of Fools]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. 368 p.

2. Gumilyov N.S. (1987) *Perevody stokhotvornye* [Poetic translations] // *Sochineniya v 3 t.* Moscow: Progress. pp. 28–33.
3. Lozinskiy M.L. (1987) *Iskusstvo stikhotvornogo perevoda* [Art of poetic translation] // *Perevod – sredstvo vzaimnogo sblizheniya narodov.* Moscow: Progress. pp. 91–106.
4. Popovich A. (1980) *Problemy khudozhestvennogo perevoda* [Issues of literary translation]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ. 199 p.
5. Fyodorov A.V. (1983) *Iskusstvo prevoda i zhizn' literatury* [Art of translation and life of belles-lettres]. Leningrad: Soviet Writer Publ. 194 p.
6. Tchukovskiy K.I. (1988) *Vysokoye iskusstvo* [High Art]. Moscow: Soviet Writer Publ. 350 p.
7. Avtonomova N.S. (2008) *Poznaniye i perevod. Opyty filosofii yazyka* [Cognition and translation. Experience in philosophy of language]. Moscow: Rossiyskaya Politicheskaya Entsiklopediya Publ. 704 p.
8. Alekseeva L.M. (2010) *Perevod kak refleksiya deyatel'nosti* [Translation as reflection on activity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya.* 1 (7). pp. 45–51.
9. Alekseeva L.M., Shutemova N.V. (2012) *Tipologiya perevoda* [Typology of Translation]. Perm: Perm University Press. 198 p.
10. Bibikhin V.V. (2001) *Slovo i sobytiye* [Word and event]. Moscow: Editorial URSS Publ. 280 p.
11. Voskoboynik G.D. (2004) *Lingvofilosofskie osnovaniya obshchey kognitivnoy teorii perevoda.* [Linguophilosophic foundations of the general cognitive theory of translation]. Abstract of Philology doc. diss. Moscow. 44 p.
12. Galeeva N. L. (1999) *Parametry tipologii khudozhestvennykh tekстов v dejatel'nostnoy teorii perevoda.* Diss. doct. filol. nauk [Parameters of literary texts typology in the theory of translation as activity]. Philology doc. diss. Tver. 352 p.
13. Kazakova T.A. (2006) *Khudozhestvennyj perevod: v poiskakh istiny* [Literary Translation: Seeking for Truth]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ. 224 p.
14. Karpukhina V.N. (2013) *Konstruirovaniye lingvisticheskoy real'nosti pri smene semioticheskogo koda kultury.* [Constructing the linguistic reality under the change of a semiotic code of culture]. Philology doc. diss. Perm. 443 p.
15. Kuzmina N.A. (2009) *Intertekst: tema s variatsiyami. Fenomeny kultury i yazyka v intertekstual'noi interpretatsii* [Intertext: theme with variations. Phenomena of culture and language in intertextual interpretation]. Omsk: Omsk State University Publ. 228 p.
16. Kunitsyna E.Yu. (2010) *Lingvisticheskiye osnovy lyudicheskoy teorii khudozhestvennogo perevoda* [Linguistic foundations of the ludic theory of literary translation]. Philology doc. diss. Irkutsk. 474 p.
17. Kushnina L.V. (2009) *Teoriya garmonizatsii: opyt kognitivnogo analiza perevodcheskogo prostranstva* [Theory of harmonization: cognitive analysis of translation space]. Perm: Perm State Technical University Publ. 196 p.
18. Minchenkov A.G. (2008) *Kognitivno-evristicheskaya model' perevoda (na materiale angliyskogo yazyka).* [Cognitive-heuristic model of translation (on the material of the English language)]. Abstract of Philology doc. diss. Saint Petersburg. 43 p.
19. Nesterova N.M. (2005) *Vtorychnost' kak ontologicheskoye svoystvo perevoda* [The target text as a secondary text]. Abstract of Philology doc. diss. Perm. 42 p.
20. Novikova M.G. (2014) *Smyslovye korrelyatsii v diskursivnoy dinamike perevoda* [Sense correlations in discursive dynamics of translation]. Abstract of Philology doc. diss. Moscow. 44 p.
21. Sorokin Yu.A. (2003) *Perevodovedeniye: status perevodchika i psikhogermeneyvticheskiye protsedury* [Translation Studies: translator's status and psychohermeneutic procedures]. Moscow: Gnozis Publ. 160 p.
22. Fesenko T.A. (2002) *Perevod v zerkale kognitivnoy nauki* [Translation in the Mirror of Cognitive Science] // *S lyubov'yu k yazyku.* Collected papers. Devoted to

- E.S. Kubryakova. Moscow, Voronezh: The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Voronezh State University. pp. 65–71.
23. Shutemova N.V. (2019) *Refraktsionnaya teoriya khudozhestvennogo perevoda* [Refraction theory of literary translation]. Perm: Perm State University. 200 p.
 24. Chirilă A. Preserving the Allusions in Translating the Bible // *Meaning in Translation: Illusion of Precision*. Cambridge Scholars Publishing, 2016. pp. 369–384.
 25. Cristinoi A. (2016) Translation between Typologically Different Languages or the Utopia of Equivalence: 1 vs 1.round, 1.long or 1.nasty being // *Meaning in Translation: Illusion of Precision*. Cambridge Scholars Publishing. pp. 99–110.
 26. Data-Bukowska E. (2016) Translating What is Blurred: Evidence from Swedish-to-Polish Translations // *Meaning in Translation: Illusion of Precision*. Cambridge Scholars Publishing. pp. 435–452.
 27. Davis A. (2019) Collaborator: Ezra Pound, Translation, and Appropriation // *Modernist Cultures*. Vol. 14. Issue 1. Edinburgh University Press. pp. 17–35.
 28. France P. (2000) Translation Studies and Translation Criticism // *The Oxford Guide to Literature in English Translation* / ed. by France P. Oxford University Press. pp. 3–10.
 29. Filanti R. (2016) “The Murder and the Echo”: How Meaning Reverberates in Translation // *Meaning in Translation: Illusion of Precision*. Cambridge Scholars Publishing. pp. 321–335.
 30. Gutt E.-A. (2000) *Translation and Relevance*. Manchester; Boston: St. Jerome. 271 p.
 31. Hatim B., Mason I. (1997) *The Translator as Communicator*. L.: Routledge. 244 p.
 32. Hvelplund K.T. (2019) Digital Resources in the Translation Process – Attention, Cognitive Effort and Processing Flow // *Perspective Studies in Translatology*. Vol. 27, Issue 4. Taylor & Francis. pp. 510–524.
 33. Lederer M. (1990) The Role of Cognitive Complements in Interpreting // *Interpreting – Yesterday, Today, and Tomorrow*, ATA Scholarly Monograph Series. Vol. IV. SUNY. pp. 53–60.
 34. Lefevere A. (2000) Mother Courage’s Cucumbers: Text, System and Refraction in a Theory of Literature // *The Translation Studies Reader*. Routledge: London and New York. pp. 233–249.
 35. Malmkjar K. (2005) *Linguistics and the Language of Translation*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 208 p.
 36. Mossop B. (2019) “Intersemiotic Translating” Time for a Rethink? // *Translation and Interpreting Studies*. Vol. 14, Issue 1. John Benjamins Publishing Company. pp. 75–94.
 37. Prencipe V. (2017) Translation Universals: Assets and Limits of Research Methodology // *Translation Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference*. Part 2. New York: Frankfurt am Main: Peter Lang Edition. pp. 35–44.
 38. Pugliese C. (2005) *Translation as Cultural Transfer: Challenges and Constraints*. Roma: Aracne. 158 p.
 39. Seleskovitch D., Lederer M. (1984) *Interpréter pour traduire*, Paris: Didier Erudition. 311 p.
 40. Steele S. (2005) *The Translating Mind: Translation as a Game*. QuiEdit di S.D.S. snc Verona, Italy. 143 p.
 41. Steiner G. (1988) *After Babel. Aspects of language and translation*. Oxford University Press. 539 p.
 42. Venuti L. (2004) *Retranslations: The Creation of Value* // *Translation and Culture* / ed. by K.M. Faull. Bucknell University Press. pp. 25–38.
 43. Walter K. (2017) Zur Versprachlichung und Übersetzung des Nationsbegriffs bei Joyce und Yeats // *Translation Studies and Translation Practice: Proceedings of the 2nd International TRANSLATA Conference*. Part 2. New York: Frankfurt am Main: Peter Lang Edition. pp. 187–195.

44. Murzin L.N. (1998) Polevaya struktura yazyka: faticheskoe pole (tekst lektzii) [Field structure of the language: phatic field (lecture)] // *Faticheskoe pole yazyka (pamyati professora L.N. Murzina): mezhvuz. sb. nauchnyh trudov* / ed. by Alekseeva L.M. Perm: Perm State University. pp. 9–14.
45. Lakoff G., Johnson M. (1980) *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press. 240 p.
46. Steen G.J. (2014) Translating metaphor: What's the problem? Translating figurative language. Ed. by D.R. Miller and E. Monti. Bologna, Alma Mater Digital Library. pp. 11–24.
47. Razumovskaya V.A., Grishaeva E.B. (2019) Metaforichnost' khudozhestvennogo obraza: kulturnaya pamyat' i perevod [An artistic image metaphoricity: cultural memory and translation] // *Yazyk i kul'tura*, 46. pp. 6–23.
48. Simashko, T.V., Litvinova, M.N. (1993) *Kak obrazuetsya metafora: derivatsionnyy aspekt* [How is the metaphor created: derivational aspect]. Perm: Perm State University. 216 p.
49. Newmark P. (1981) *Approaches to Translation*. Oxford University Press. 352 p.
50. Retsker Ya.I. (2004) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii* [Theory of translation and practice in translation. Essays on linguistic theory]. Moscow: R. Valent. 240 p.
51. Mandelblit N. (1995) The Cognitive View of Metaphor and Its Implication for Translation Theory // *Translation and Meaning* / ed. by Marcel Th., Lewandowska-Tomaszczyk B. Maastricht University Press, Vol. 3. pp. 483–495.
52. Dvoretzkiy I.H. (1958) *Drevnegrechesko-russkiy slovar'*. V 2 t. [Ancient Greek – Russian dictionary. In 2 vol.]. Moscow: GIS. 1905 p.
53. Veyzman A.D. (1991) *Grechesko-russkiy slovar'* (reprint V-go izdaniya 1899 g.) [Greek–Russian dictionary (reprint of the 5th edition of 1899)]. Moscow: Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina. 1370 p.
54. Kossovich I.A. (1848) *Grechesko-russkiy slovar'*, izdannyy izhdiveniem departamenta narodnago prosveshcheniya v Universitetskoy Tipografii [Greek-Russian Dictionary published by the department of public education in the university typography]. Part II. Moscow: University typography. 904 p.
55. Ahmanova O.S. (1969) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sov. entsiklopediya. 608 p.
56. Obshchaya ritorika (1986) [General rhetoric]. Moscow: Progress. 392 p.
57. Murzin L.N. (1974) *Sintaksicheskaya derivatsiya* [Syntactic derivation]. Perm: Perm State University. 168 p.
58. Murzin L.N. (1984) *Osnovy derivatologii* [Basics of derivatology]. Perm: Perm State University. 56 p.
59. Murzin L.N. (1997) O stepenyakh svobody yazyka [On degrees of the language freedom] // *Russkoye slovo v yazyke, tekste i kulturnoy srede. Pamyati E.V. Kuznetsovoy*. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 127–133.
60. Humboldt V. (1985) *Yazyk i filosofiya kul'tury* [The language and philosophy of culture]. Moscow: Progress. 452 p.
61. Chomsky N. (1972) *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the theory of syntax]. Moscow: Moscow State University. 259 p.
62. Zhinkin N.I. (1964) O kodovykh perekhodakh vo vnutrenney rechi [On code transitions in inner speech]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 26–38.
63. Dozorets Zh.A. (1988) *Semanticheskaya organizatsiya stikhotvornoy stroki* [Semantic analysis of a verse line]. *Filologicheskie nauki*. 5. pp. 74–78.
64. Ginzburg E.L. (1989) Iz zametok o sintaksicheskikh priemakh vyrazitel'nosti. Gipallaga [From essays on syntactic expressive means. Hypallage] // *Rechevye priemy i oshibki: tipologiya, derivatsiya i funktsionirovanie* / ed. by Murzin L.N. Moscow: Institute of Linguistics. pp. 75–80.
65. Apresyan Yu.D. (1990) *Yazykovye anomalii: tipy i funktsii* [Language anomalies: types and functions] // *Res Philologica: Filologicheskie issledovaniya. Pamyati akademika*

- Georgiya Vladimirovicha Stepanova (1919—1986). Moscow; Leningrad: Nauka Publ. pp. 50–71.
66. Arutyunova N.D. (1987) Anomalii i yazyk (k probleme yazykovoy «kartiny mira») [Anomalies and language (towards the problem of the language «world image»)]. *Vo-prosy yazykoznaniiya*. 3. pp. 3–19.
 67. Radbil' T.B. (2006) Yazykovye anomalii v khudozhestvennom tekste [Language anomalies in the literary text]. Abstract of Philology doc. diss.]. Moscow. 40 p.
 68. Tret'yakova E.A. (2012) Anomalii v original'nom i perevodnom khudozhestvennom tekste [Anomalies in the source and target literary text]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University], 9 (3). pp. 172–176.
 69. Sadovnikov S.A. (2014) Alogizm rechi kak khudozhestvennyy priyom v tvorchestve A.P. Platonova [Verbal alogism as an artistic device in works by A.P. Platonov]. Abstract of Philology cand. diss. Nizhniy Novgorod. 25 p.
 70. Logicheskiy analiz yazyka. Protivorechivost' i anomal'nost' teksta: sbornik statey [Logical analysis of the language. Inconsistency and anomaly of the text: collected papers] (1990) / Ed. by Arutyunova N.D. Moscow: Nauka. 278 p.
 71. Manchinova N.V. (1998) Derivatsiya i funktsionirovanie gipallagi v poeticheskom tekste. [Derivation and functions of the hypallage in poetry]. Abstract of Philology cand. diss. Perm. 148 p.
 72. Kagan M.S. (1997) Estetika kak filosofskaya nauka [Aesthetics as philosophical science]. Saint Petersburg: TOO TK «Petropolis». 544 p.
 73. Velichkovskiy B.M. (1982) Sovremennaya kognitivnaya psikhologiya [Modern cognitive psychology]. Moscow: Moscow State University Publ.. 336 p.
 74. Naysser U. (1981) Poznanie i real'nost': Smysl i printsipy kognitivnoy psihologii [Cognition and reality. Sense and principles of cognitive psychology]. Moscow: Progress. 230 p.
 75. Bely A. (1990) Pered staroy kartiny [In front of an old picture] // Bely A. Sochineniya. V 2 t. [Collected works. In 2 vol.]. Moscow: Khudozh. lit. V. 1. pp. 195–198.
 76. Tyutchev F.I. (1974) Utro v gorakh [Morning in mountains] // Russkaya poeziya 19 veka. V 2 t. [Russian poetry. In 2 vol.]. Moscow: Khudozh. lit. V.2. pp. 8.
 77. Mandelshtam O.E. «Est' tselomudrennye chary...» // Mandelshtam O.E. Sochineniya. V 2 t. [Collected works. In 2 vol.]. Moscow: Khudozh. lit., 1990. V. 1. p. 68.
 78. Tsvetaeva M.I. (1984) “Krasnoy kist'yu...” // Tsvetaeva M.I. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Minsk: Nauka i tekhnika. p. 34.
 79. Pushkin A.S. (1969) Evgeniy Onegin // Pushkin A.S. Sbranie sochineniy. V 8 t. [Collected works. In 8 vol.] V. 5. Moscow: Khudozh. lit.. 320 p.
 80. Pushkin A. (1995) Eugene Onegin. A Novel in Verse. Translated with an Introduction and Notes by James E. Falen. UK, Oxford World's Classics, Oxford. 288 p.
 81. Pushkin A. (1979) Eugene Onegin. Translated by Charles H. Johnston. UK, Hazell Watson & Viney Ltd Aylesbury, Bucks. 234 p.
 82. Pushkin A. Eugene Onegin. A Novel in Verse by Aleksandr Pushkin. Translated by Vladimir Nabokov. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/eugene-onegin/onegin-1.htm> (Accessed: 20.09.2020).
 83. Apresyan Yu.D., Galperin I.R. i dr. (eds.) (1987) Bol'shoy anglo-russkiy slovar' [New English – Russian Dictionary]. In 2 vol. Moscow: Russkiy yazyk Publ. V. I. 1038 p. V. II. 1072 p.
 84. Hornby A.S. (1982) Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Moscow: Moscow Language Publishers; Oxford: Oxford University Press. V.I. 510 p. V.II. 527 p.
 85. Lermontov M.Yu. (1972) Demon. Vostochnaya povest'. [Demon. Eastern novel] // Lermontov M.Yu. Stikhotvoreniya. Poemy. Maskarad. Geroy nashego vremeni [Poems. Masquerade. A Hero of Our Time] Moscow: Khudozh. lit. pp. 395–427.
 86. Lermontov M.Yu. (2009) Demon. An Eastern Tale. Translated by Eu. M. Kayden //«Net, ya ne Bayron, ya drugoy...» – «No, I'm not Byron, it's my Role...»: Izbrannaya poeziya

- [Selected petry] = Poetical Works [in Russian with parallel English translations]. Moscow: Tsentr knigi VGBIL im. M.I. Rudomino. pp. 304–357.
87. Bunin I.A. (2014) Solnechny udar [Sunstroke] // Bunin I.A. Solnechny udar: rasskazy, dnevniki, novelly [Sunstroke: stories, diaries, novels]. Moscow: Komsomol'skaya pravda: Direkt-Media. pp. 5–13.
88. Bunin I. (1979) Sunstroke. Translated by O. Shartse // Bunin I. Stories and Poems. Moscow: Progress Publishers. pp. 356–363.
89. Bunin I.A. (2014) Voron [Raven] // Bunin I.A. Solnechny udar: rasskazy, dnevniki, novelly [Sunstroke: stories, diaries, novels]. Moscow: Komsomol'skaya pravda: Direkt-Media. pp.408–415.
90. Bunin I. (1979) The Raven. Translated by O. Shartse // Bunin I. Stories and Poems. Moscow: Progress Publishers. pp. 473–479.

Received 5 October 2021